

Лит. Россия 1977, 22 апреля, №17

ВЕРНОСТЬ ТЕМЕ

К 75-летию со дня рождения В. А. КАВЕРИНА

В ДВАДЦАТЫХ годах самый юный из всех тех, кого потом называли «Серапионовы братья», — писатель В. А. Каверин, — определил направление своих творческих усилий: его увлек подвиг мысли, образ мастера, исследователя. В. Каверин вспоминает, что, обратившись к изучению теории Лобачевского, был поражен смелостью ума ученого, восставшего против неподвижности Эклидова мира.

Восхищение новаторской силой человеческой мысли и определило романтическую причудливость ранних произведений В. Каверина.

Критика сразу заговорила о следовании молодого художника немецким романтикам. Однако в каверинской «гофманиане» было нечто неповторимо свое — новое: в основе ранних рассказов писателя всегда — логический «эксперимент», смелая гипотеза, некая «модель» возможного развития событий.

Разве же человек силой воображения не способен перемещаться во времени? Но тогда уж и сам автор повествования, хоть и отделенный от своих героев не менее, чем столетием, имеет право ввязываться в движение их жизни, прини-

мать участие в их приключениях («Хроника города Лейпцига за 18... год»). Многие нереально, фантастично для материального мира, утверждает художник, но в области мысли существует право на выдумку, смелый домысел, столкновение противоречивых догадок. Фантастика у раннего В. Каверина иронична, подчеркнута пародийна. Героя повести о Лейпциге, студента Генриха, по его же просьбе превращают в статуэтку и даже продают как произведение искусства...

За молодым писателем доброжелательно следил Максим Горький. Но цена оригинальное дарование Вениамина Каверина, Алексей Максимович все же неизменно дружески предупреждал его от увлечения игрой мысли, выдумкой ради выдумки. И эти горьковские уроки не прошли для Каверина бесследно. Уже в 1924 году он задумывается над тем, что «сложная конкретность сюжета», к чему он всегда тяготел, должна быть основана «на мощных обобщениях современности».

В 1930 году писатель уезжает в Сальские степи, в зерносовхоз «Гигант», и затем пишет книгу путевых рассказов «Пролог». «Эта поездка оказалась двойным открытием, — признается В. Каверин, — открытием

новых людей в новых, еще неизведанных обстоятельствах и открытием собственной возможности писать об этих людях».

Еще в конце 20-х годов В. А. Каверин начал работу над романом «Скандалист или вечера на Васильевском острове», направленном против формализма, против ученых и литераторов, стремящихся отгородиться от жизни.

Ученые и люди искусства являются также героями известного романа «Исполнение желаний», где речь идет о тех, кто посвятил себя историко-литературным разысканиям, и трилогии «Открытая книга», где говорится об исследова-

тельской работе микробиологов.

Внутренняя жизнь современника, интеллектуально напряженная, полная острейших коллизий, особенно многогранно раскрывается в большом романе В. Каверина «Два капитана». Произведение это по своей внутренней сути является творческой полемикой с буржуазными теориями о духовном одиночестве, «некоммуникабельности» современного человека. В светлой, доброй книге В. Каверина мальчугану из небольшого русского городка в силу причудливого стечения обстоятельств открывается трагедия крупного ученого, посвятившего себя исследованию Крайнего Севера, но погибшего во время экспедиции. И все же трудный его подвиг, казалось бы уже всеми позабытый, пробуждает в душе юного героя дремлющие творческие силы, и две судьбы сливаются в одну: прошлое переходит в будущее.

Первая книга «Два капитана» была закончена в канун Великой Отечественной... Писатель стал военным корреспондентом и в своих очерках, рассказах тех лет, в своей публицистике стремился запечатлеть немеркнущий подвиг, который совершали изо дня в день миллионы советских людей.

Фронтные впечатления наложили свой отпечаток на вторую книгу «Два капитана». Еще во время войны в 1944 году В. Каверин просит отправить его на Северный флот, и пребывание здесь среди летчиков,

подводников, среди первооткрывателей и энтузиастов Арктики открывает ему величие труда народного, всех тех, кто действительно осваивал Крайний Север. Это и стало одной из основных линий романа о двух капитанах, о преемственности духовного подвига разных поколений.

Недаром позднее, в начале 60-х годов, откликаясь на первые полеты советских космических кораблей, В. Каверин, по сути, сформулировал свое творческое кредо. Он писал о «сдвиге времени», о людях, которые «обогащали время... свершили чудо». И подчеркивая, что сказочно фантастична сама «обыкновенность» этого чуда, добавлял: «Дело писателя — перекинуть мост от этих поразительных фактов к обыденной ежедневной жизни советского человека».

Николай Тихонов как-то характеризовал плеяду молодых писателей, «пришельцев из разных краев и городов, гремющих, спорящих», с которыми начинал свой путь в литературе, как художников, ищущих в творчестве своих особых дорог и «жадных до всего нового». Прошли десятилетия, но это ощущение новизны эпохи, жадное стремление познать ее внутреннее движение, взглянуть в глубь исторического потока и сегодня присуще Вениамину Александровичу Каверину, писателю, упорно исследующему природу «обыкновенного чуда» нашей действительности.

Людмила СКОРИНО